Труды Киевской Духовной Академии

По вопросамъ церковно-общественной жизни [1]).

III.

Формальный характеръ свободы. Чѣмъ опредѣляется ея реальная цѣнность? Значеніе внѣшней свободы. Рабскія цѣли и рабское сознаніе. Свобода и культурное творчество. Сущность послѣдняго.

Привѣтствуя занявшуюся надъ Россіей зарю политической свободы, мы далеки отъ мысли усвоять ей *безусловную* цѣнность, независимо отъ того содержанія, какимъ она заполняется, а потому и не можемъ видѣть въ достиженіи политической свободы *завершительную* цѣль общественной жизни. Нѣтъ, свобода—это такая *форма* жизни, которая можетъ быть заполнена разнообразнымъ и разноцѣннымъ содержаніемъ, въ зависимости отъ чего и опредѣляется въ концѣ концовъ реальная (а не потенціальная только) стоимость свободы; въ частности, нравственную цѣнность имѣетъ лишь та свобода, которая заполнена нравственно цѣннымъ

[1]) Продолженіе статей, напечатанныхъ въ 1-ой кн. «Трудовъ» подъ заглавіемъ «Современная церковно-общественная жизнь».

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

содержаніемъ [1]). Отсюда слѣдуетъ, что нравственно цѣнная свобода состоитъ не въ отрѣшеніи личности отъ какихъ бы то ни было нормъ, какъ объ этомъ—въ явномъ, впрочемъ, противорѣчіи съ самимъ собою—мечталъ Ницше, а въ добровольномъ подчиненіи такимъ нормамъ, какія данная личность съ полнымъ сознаніемъ признаетъ святыми, а потому нравственно обязательными для нея нормами [2]). Это и есть то *порабощеніе правдѣ*, о которомъ говоритъ ап. Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ (6, 18), и если порабощеніе правдѣ есть путь, ведущій къ вѣчной жизни, то—наоборотъ—порабощеніе грѣху ведетъ къ смерти (Римл. гл. 6; ср. Іак. 8, 34—36): первое есть добро, второе—зло. Вотъ почему тотъ же апостолъ, благовѣствуя Галатамъ свободу, считаетъ въ то же время нужнымъ предостеречь ихъ отъ злоупотребленія свободой, грозный примѣръ котораго разсказанъ на первыхъ страницахъ Библіи: „къ свободѣ призваны вы, братія, только бы свобода ваша не была поводомъ къ угожденію плоти“ (Гал. 5, 13). Все это—положенія безспорныя для развитого нравственнаго сознанія, но не менѣе безспорно и то, что подчиненіе нравственнымъ нормамъ („порабощеніе правдѣ“) получаетъ нравственную цѣнность

[1]) „Наше время, когда— —освободительныя задачи стоятъ на авансценѣ, склонно забывать, что разрѣшеніе ихъ есть только средство, хотя и вполнѣ необходимое, и принимать ихъ за самоцѣль. Однако, очевидно, что сама по себѣ свобода есть чисто отрицательное понятіе, сказуемое безъ подлежащаго: неизбѣжно слѣдуетъ вопросъ, кто, что и для какой цѣли освобождается“. (Изъ нит. соч. *С. Н. Булгакова*, стр. 307).—О природѣ нравственной оцѣнки см. въ соч. проф. *Н. Г. Городенскаго* „Нравственное сознаніе человѣчества“.

[2]) Ср. слѣд. слова изъ одного письма *Влад. Соловьева*: „Я вовсе не сторонникъ *безусловной* свободы, но полагаю, что между такою свободою и *безусловною неволею* должно быть нѣчто среднее, именно *свобода, обусловленная искреннимъ подчиненіемъ тому, что свято и законно*“. („Перк. Вѣстн.“, 1891 г., № 3).

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

только въ тотъ случаѣ, если оно носитъ сознательный и добровольный характеръ: въ противномъ случаѣ оно ничѣмъ ни отличалось бы отъ подчиненія дерева или камня законамъ природы. Значитъ, не имѣя сама по себѣ безусловной нравственной цѣнности, свобода тѣмъ не менѣе служитъ неоходимымъ условіемъ созиданія нравственныхъ цѣнностей. Господь предвидѣлъ и грѣхопаденіе первыхъ людей, и тѣ гибельныя послѣдствія, къ которымъ оно приведетъ; безъ сомнѣнія, Ему, единому благому (Мо. 19, 17), неизмѣримо ближе благо человѣка, нежели матери благо ея дитяти (Исаіи 49, 15: „еда забудетъ жена отроча свое, еже не помиловати исчадія чрева своего; аще же и забудетъ сихъ жена, но азъ не забуду тебе, глаголетъ Господь“), и тѣмъ не менѣе силою своего всемогущества, опять-таки неизмѣримо превосходящаго могущество какой-бы то ни было земной власти, Онъ не подавилъ свободнаго рѣшенія первыхъ людей, направивъ Свои промыслительныя дѣйствія противъ послѣдствій рокового рѣшенія. Правда, Господь насъ Израиля „жезломъ желѣзнымъ“, но не забудемъ, что отношенія между Богомъ и избраннымъ народомъ покоились на *свободномъ* договорѣ между двумя сторонами—безконечно великимъ Іеговою и грѣшными людьми. Нерѣдко Господь посѣщалъ Свой народъ бѣдствіями, но то было наказаніе за невыполненіе народомъ *свободно* принятыхъ имъ на себя обязательствъ. Идея завѣта Бога съ избраннымъ народомъ никогда не умирала въ его сознаніи, и не живучестью ли этой идеи объясняется то дерзновеніе, съ какимъ обращался къ Богу ветхозавѣтный Израиль (см., напр., псалмы 43, 88 и др.), и та бодрость, которою было проникнуто его настроеніе?.. И если ветхозавѣтному человѣку, при господствѣ теократическаго строя, чего не доставало, такъ это—не внѣшней, а *внутренней* свободы, которая парализовалась грѣховною наслѣдственностью, вносившею тяжкое раздвоеніе во внутренній міръ чело-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

вѣка (см. Римл. 7). Отсюда главная задача христіанства—содѣйствовать *внутреннему* освобожденію людей, чтобы они изъ рабовъ грѣха сдѣлались рабами правды Однако изъ этого не слѣдуетъ, что внѣшняя свобода безразлична для христіанства. Когда—вслѣдъ за Гегелемъ—повторяютъ то, по существу безспорное, положеніе, что „рабомъ дѣлаютъ не рабскія цѣпи, а рабское сознаніе“, то обыкновенно забываютъ два очень важныя обстоятельства: во-первыхъ, нужно обладать исключительными силами, чтобы въ подавляющихъ условіяхъ рабской жизни сохранить свободный духъ: въ большинствѣ случаевъ долгое пребываніе въ рабскихъ цѣпяхъ содѣйствуетъ воспитанію рабскаго сознанія; во-вторыхъ, даже свободный духъ, при отсутствіи внѣшней свободы, не можетъ проявить въ полной мѣрѣ того культурнаго творчества, которое—какъ увидимъ ниже—даетъ смыслъ человѣческому существованію.

Остановимся на раскрытіи этихъ положеній.

Не нужно далеко ходить за фактами, подтверждающими первое положеніе: ихъ такъ много даетъ наша родная исторія. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на происхожденіе нашихъ народныхъ былинъ, несомнѣнно, въ нихъ отразился духъ русскаго народа, и это—хорошій духъ: полная готовность служить князю Владиміру стольно-кіевскому въ его заботахъ объ объединеніи и защитѣ земли свято-русской соединяется въ Ильѣ Муромцѣ съ сознаніемъ своего достоинства,—ни тѣни рабской угодливости! Если—теперь—вспомнить, какъ приходилось русскимъ князьямъ унижаться въ татарской ордѣ, то для насъ станетъ очевиднымъ нравственно растлѣвающее значеніе рабства. Хуже всего то, что духъ восточнаго деспотизма, встрѣтившись съ духомъ византійскаго автократорства, мало-по-малу пропиталъ собою здоровую русскую атмосферу. Подлинно: „наглотавшись татарщины всласть, вы Русью ее назовете“... И вотъ та картина, какую видитъ богатырь князя Владиміра, Потокъ, на Москвѣ на рѣкѣ черезъ полтысячи лѣтъ послѣ смерти князя Владиміра:

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией.
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

Гремятъ тулумбасы, идетъ карауль,
Гонитъ палками встрѣчныхъ съ дороги;
Ѣдетъ царь на конѣ, въ зипунѣ изъ парчи,
А кругомъ съ топорами идутъ палачи.
Его милость сбираются тѣшить:
Тамъ кого-то рубить или вѣшать.
И во гнѣвѣ за мечъ ухватился Потокъ:
— Что за ханъ на Руси своеволитъ?
Но вдругъ слышитъ слова:—то земной Ѣдетъ богъ!
То отецъ нашъ казнить насъ изволитъ!
И на улицѣ, сколько тамъ было толпы:
Воеводы, бояре, монахи, попы,
Мужики, старики и старухи,—
Всѣ предъ нимъ повалились на брюхи.
Удивляется притчѣ Потокъ молодой:
— Если князь онъ, или царь напослѣдокъ,
Что-жъ метутъ они землю предъ нимъ бородой?
Мы чествли князей, но не этакъ!
Да и полно, ужъ въ православіи я на Руси?
Отъ земного насъ бога Господь упаси!
Намъ Писаніемъ велѣно строго
Признавать лишь небеснаго Бога!
И пытаетъ у встрѣчнаго онъ молодца:
— Что здѣсь, дядя, сбирается вѣче?
Но на томъ отъ испугу не видно лица:
— Чуръ меня, говоритъ, человѣче!
И пустился бѣжать отъ Потока было ъ

Это было въ Москвѣ, но и Петербургъ, много сдѣлавшій для Россіи въ смыслѣ ея сближенія съ Европой, не создалъ тѣхъ условій, которыя воспитываютъ свободный духъ... Отъ послѣднихъ строкъ приведенной выдержки вѣетъ современностью...

И другое иго вынесъ русскій народъ—крѣпостное право, которое было игомъ не только для крѣпостныхъ, у которыхъ оно отняло внѣшнюю свободу, но и для помѣщиковъ, у которыхъ оно парализовало внутреннюю свободу:

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

авно сказано, что рабство одинаково развращаетъ и раовъ, и господъ, и кого больше—это еще вопросъ. Чтобы бѣдиться въ этомъ—перечитайте „Пошехонскую старину“ уроваго Щедрина вмѣстѣ съ „Семейной хроникой“ мягкоердечнаго Аксакова... И если русскій народъ, несмотря на атарское иго и крѣпостное право, все-таки сохранилъ челоѣческій обликъ, который смотритъ на насъ съ художественыхъ картинъ народнаго быта, нарисованныхъ Тургеневымъ, олстымъ и др. писателями, то—смѣемъ думать—это вѣрный ризнакъ его духовной силы и надежный залогъ его дальѣйшаго роста ..

Тяжелѣе всего отмѣчать проявленія духовнаго рабства ъ той средѣ, гдѣ больше всего требуется свобода духа: азумѣемъ нашихъ пастырей и особенно архипастырей. Въ редыдущей главѣ было указано достаточно проявленій таго рода среди нашей іерархіи. Въ настоящій разъ позвоимъ себѣ напомнить еще одинъ фактъ изъ эпохи Петра Великаго. Когда этотъ императоръ, задумавъ казнить свого сына, обратился къ „преосвященнымъ митрополитамъ, рхіепископамъ, и епископамъ, и прочимъ духовнымъ“, „яко о достоинству блюстителямъ заповѣдей Божіихъ и вѣрнымъ астырямъ Христова стада“, заклиная ихъ „безъ всякаго лицемѣрства и пристрастія“ высказать свое сужденіе о томъ, какого наказанія сіе богомерзкое и Авессаломову приладу уподобляющееся намѣреніе сына нашего, по божественымъ заповѣдямъ и прочимъ святаго Писанія прикладамъ и о законамъ, достойно“, онъ получилъ уклончивый отвѣтъ: Сіе дѣло не нашего суда; ибо кто насъ поставилъ судьями адъ тѣми, кто нами обладаетъ? Какъ могутъ главу наставлять члены, которые сами отъ нея наставляемы и облааемы“? и т. д. Не такимъ языкомъ говорили съ земными лыками ветхозавѣтные пророки...

Не съ тѣмъ мы касаемся, можетъ быть, самаго болього мѣста въ нашей церковной жизни, чтобы къ массѣ

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

тяжкихъ упрековъ, сыплющихся на голову нашего духовенства, прибавить еще одинъ: и по кровнымъ связямъ, и по разнообразнымъ житейскимъ отношеніямъ мы слишкомъ близко стоимъ къ духовенству, чтобы направляемые противъ него удары не отзывались и въ нашемъ сердцѣ острою болью. Къ тому же мы хорошо помнимъ и исторію Хама, посмѣявшагося надъ наготою своего отца, и внушительныя слова Спасителя, обращенныя къ книжникамъ и фарисеямъ, приведшимъ къ Нему жену—грѣшницу: „кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось на нее камень“ (Іоан. 8, 7). Если—тѣмъ не менѣе—мы рѣшаемся касаться язвъ своей матери, то исключительно въ интересахъ выясненія дѣла [1]). Было бы слишкомъ жестоко думать, что среди тѣхъ пастырей, которые говорили сильнымъ міра сего не то, что слѣдовало бы говорить по требованіямъ пастырской совѣсти, или молчали тогда, когда грѣшно было молчать,—не было честныхъ людей, понимающихъ и цѣнящихъ правду Христову. Если—тѣмъ не менѣе—они не проявляли въ должной степени свободы духа, то не малая доля вины за это падаетъ на тѣ внѣшнія условія, которыя слишкомъ мало были приспособлены къ тому, чтобы воспитывать это высокое качество. Вотъ почему нельзя не желать—въ интересахъ Церкви—скорѣйшаго осуществленія у насъ, на Руси, политической свободы.

Что жъ?—слышимъ мы (какъ уже и слышали) въ отвѣтъ на наши пожеланія,—неужели вы хотите, чтобы у

[1]) Припомнимъ слова *Ив. С. Аксакова*: „Конечно, преступенъ тотъ, кто, ради личной потѣхи, коварственно издѣваясь, выставляетъ міру на показъ срамоту матери; но едва ли менѣе преступны и тѣ, которые, видя ея срамоту, видя ея страшныя язвы, не только не снѣдаются ревностью объ ея чистотѣ, чести и излѣченіи, но изъ ложнаго опасенія нарушить благочестіе, а въ сущности, всего чаще, по лѣни и равнодушію, дають, почти

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

насъ установились такія же отношенія между Церковью и государствомъ, какъ въ современной Франціи, гдѣ воздвигнуто гоненіе противъ римско-католической церкви? Вовсе нѣтъ: мы не менѣе нашихъ оппонентовъ возмущаемся дѣйствіями современнаго французскаго правительства противъ церковныхъ конгрегацій потому именно, что видимъ въ этихъ дѣйствіяхъ попраніе свободы [1]); однако полагаемъ, что вопросъ—какое изъ двухъ золъ нужно признать менѣе опаснымъ для Церкви, открытое гоненіе или незамѣтное порабощеніе?—рѣшается не такъ легко, какъ кажется. Во всякомъ случаѣ ураганъ не такъ опасенъ для виноградника, какъ филоксера... Впрочемъ, поставленный вопросъ имѣетъ для насъ пока только теоретическое значеніе: происходящее у насъ политическое броженіе еще не отлилось въ опредѣленныя формы, а потому мы можемъ надѣяться на установленіе у насъ такого политическаго строя, который исключалъ бы возможность гоненія на Церковь, какъ совершенно противорѣчащую самому существу политической свободы. На каждомъ изъ насъ, призываемыхъ къ участію въ выборахъ народныхъ представителей въ Государственную Думу, лежитъ въ высшей степени отвѣтственная обязанность—со-

завѣдомо, укорениться злу и недугамъ, мерзости запустѣнія на мѣстѣ святѣ“ (См. VII вып. „Религ.-филос. библіотеки“, стр. 47—48).

[1]) Въ этомъ согласны съ нами лица, которыхъ никакъ невозможно заподозрѣть въ клерикализмѣ; вотъ, напр., что говоритъ по этому предмету г. *С. Котляревскій* въ своей статьѣ „Партіи и наука“: „Съ тяжелымъ чувствомъ видитъ наблюдатель, какъ долго свободомыслящая Франція въ борьбѣ съ католицизмомъ употребляла все то же оружіе, которымъ католическая церковь постоянно поражала своихъ враговъ“. („Полярн. Звѣзда“, 1906, № 5, стр. 356). Тѣ же мысли высказывалъ *С. Н. Булгаковъ* въ своихъ статьяхъ, печатавшихся въ „Вопросахъ жизни“ въ прошломъ году.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

дѣйствовать тому, чтобы одна форма политическаго рабства не замѣнилась у насъ другою формой того же самаго рабства: намъ нужна политическая свобода, а не рабство...

Перейдемъ къ раскрытію второго положенія.

Выше было разъяснено, что свобода, какъ *форма* жизни, получаетъ значеніе въ зависимости отъ того *содержанія*, которымъ заполняется эта форма. То, что сказано о свободѣ вообще, относится и къ свободѣ политической: ея значеніе состоитъ въ томъ, что лишь въ условіяхъ политической свободы возможно полное раскрытіе тѣхъ потенцій, которыя заложены въ природѣ человѣка, и—черезъ то самое—созданіе культурныхъ цѣнностей, составляющее главное содержаніе истинно человѣческой жизни [1]). Въ самомъ дѣлѣ, постараемся всмотрѣться въ это содержаніе. Какъ только въ человѣкѣ пробуждается сознаніе, онъ находитъ себя во власти своихъ природныхъ влеченій, а также разнообразныхъ впечатлѣній, идущихъ отвнѣ, и среди этого хаоса влеченій и впечатлѣній едва свѣтится центральная и централизующая точка, именуемая *я*. Дальнѣйшій ростъ сознательной жизни состоитъ въ томъ, что *я* перерабатываетъ хаосъ переживаемыхъ имъ влеченій и впечатлѣній, руководясь тѣми *нормами*, которыя заложены въ самой организаціи нашего *я*. Такимъ путемъ оно достигаетъ самосознанія и самообладанія: это—показатели его духовной зрѣлости. Если—теперь—мы всмотримся въ тѣ нормы, которыя предписываются нашему *я* разумомъ (таковы нормы логическія, этическія, эстетическія), то окажется, что всѣ онѣ сводятся къ требованію органическаго единства: *истина* состоитъ въ такой организаціи познавательныхъ элементовъ, которая, исключая всякое противорѣчіе между ними (законъ тожества, обратную сторону котораго составляетъ законъ противорѣчія), харак-

[1]) „Политическое освобожденіе безъ культурнаго возрожденія есть пустая форма“ (*С. Котляревскій*, цит. ст., стр. 354).

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией;
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

теризовалась бы внутреннею связностью входящихъ въ нее элементовъ (законъ достаточнаго основанія): *добро* — это такая организація отношеній человѣка къ высшему (Богъ), равному (ближніе) и низшему (природа), которая, исключая самопоклоненіе, ненависть, зависть, вражду, порабощеніе слѣпымъ стихійнымъ силамъ природы, представляла бы собою полную гармонію, но и *красота* есть не что иное, какъ полнота, разнообразіе и—въ то же время—гармонія жизни. Вступая въ міръ хаоса, человѣкъ долженъ преобразовать его въ космосъ,—вотъ чего требуютъ нормы, предписываемыя разумомъ, и хотя эти нормы открываются въ индивидуальномъ сознаніи, равно какъ осуществляются индивидуальною дѣятельностью, однако по существу онѣ представляютъ собою содержаніе разума надиндивидуальнаго, мірового, божественнаго: это—основная мысль философскаго идеализма, начиная съ Гераклита (εἶναι γὰρ ἓν τὸ σοφὸν ἐπίστασθαι γνώμην, ὁτέη ἐκυβέρνησε πάντα διὰ πάντων), продолжая Сократомъ, Августиномъ, Декартомъ, Гегелемъ [1]). Такимъ образомъ, процессъ культурнаго творчества, направляемый нормами божественнаго разума, есть по существу процессъ богочеловѣческій, какъ это подробно раскрыто въ сочиненіяхъ Владиміра Соловьева. „Всюду, о Истина. Ты присущъ всѣмъ мудрствующимъ о Тебѣ“, скажемъ словами бл. Августина („Испов.“, кн. X, гл. 26)...

Работа, направленная къ преобразованію хаоса въ космосъ, въ міръ истины, добра и красоты, въ міръ полноты и гармоніи, и составляетъ главное содержаніе того, что называется *культурой* (отъ colo—обрабатываю). Ясно, что культурное творчество составляетъ главное содержаніе человѣческой жизни, сообщающее ей смыслъ и значеніе. Поэтъ

[1]) См. объ этомъ въ статьѣ „Къ характеристикѣ современнаго эмпиризма“—„Труды Кіев. дух. Акад.“, 1904, кн. 1, стр. 110—112.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

сказалъ: „жизнь для жизни мнѣ дана“. Въ этихъ словахъ заключается глубокій смыслъ. Да, смыслъ моей индивидуальной жизни опредѣляется тѣмъ участіемъ, какое я принимаю въ устроеніи истинно-доброй и истинно-прекрасной жизни, полной разнообразія и гармоніи... Однако хаотическія силы, направленныя не къ созиданію, а къ разрушенію, порождающія изъ своихъ темныхъ нѣдръ вражду, ненависть, противорѣчія, дисгармонію.., эти силы настолько могучи (сравнительно съ дѣйствительными человѣческими силами), что процессъ культурнаго творчества можетъ осуществляться не иначе, какъ путемъ *борьбы* съ хаотическими силами, полной въ данный моментъ тяжелыхъ мукъ, сулящей впереди высокія радости. Да, тяжелы муки творчества, будетъ ли это творчество въ области мысли, нравственности, художества, общественности. „О, какія мученія терзали душу мою при рождавшихся въ ней мыслихъ!“ восклицаетъ бл. Августинъ, въ полной мѣрѣ извѣдавшій муки философскаго творчества („Исповѣдь“, VII, 7). Всѣмъ намъ знакома скорбная повѣсть о томъ, какъ мучился Гоголь надъ созданіемъ „Мертвыхъ душъ“. Можетъ быть, еще тяжелѣе тѣ муки, которыми сопровождалось художественное творчество Иванова: онъ искалъ линій и красокъ для художественнаго воплощенія образа Христа,— искалъ и не находилъ... И не нашелъ: на его картинѣ „Явленіе Христа народу“ центральное мѣсто занимаетъ превосходный—несмотря на нѣкоторыя условности изображенія—образъ Іоанна Крестителя, приближающійся Христосъ поставленъ вдали, на заднемъ планѣ картины... И если, наконецъ, намъ нужно свидѣтельство о тѣхъ мученіяхъ, какими сопровождается нравственное творчество, борьба съ ветхимъ человѣкомъ и созиданіе новаго,—мы не найдемъ относительно этого болѣе сильнаго свидѣтельства, нежели то, какое заключается въ посланіяхъ апостола Павла, особенно въ посланіи къ Римлянамъ: „не живетъ во мнѣ, то есть въ плоти моей, доброе; потому что желаніе добра есть во мнѣ,

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу. Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю.— — По внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ: но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ. Бѣдный я человѣкъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти"? (Римл. 7, 18—19, 22—24). Борьба кончилась побѣдою добра надъ зломъ, Христа надъ хаотическими силами, и тогда апостолъ говоритъ о себѣ: „уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ" (Гал. 2, 20). Теперь его задача—работать надъ преобразованіемъ другихъ по образу Христову, и это творческая дѣятельность — содѣйствіе образованію въ ближнемъ новаго человѣка—сопровождается муками рожденія: „дѣти мои, обращается апостолъ къ Галатамъ,—для которыхъ я снова въ мукахъ рожденія, доколѣ не изобразится въ васъ Христосъ" (Гал. 4, 19). Не говоримъ уже о борьбѣ съ внѣшними препятствіями (нуждой, болѣзнью, противодѣйствіемъ другихъ людей... ср. 2 Кор. 6. 4—5; 11, 23—28), которая также поглощаетъ много нервной и психической энергіи. И чѣмъ выше та задача, которую ставитъ себѣ художникъ, мыслитель, общественный дѣятель, тѣмъ тяжелѣе муки творчества... Но за то высока и радость творчества. Нѣтъ на землѣ ничего выше этой радости. Ради нея забываются, казалось бы, нестерпимыя муки. Такъ и „жена егда рождаетъ, скорбь имать, яко пріиде годъ ея: егда же родитъ отроча, ктому не помнитъ скорби за радость, яко пріиде человѣкъ въ міръ" (Іоан. 16, 21)...

Что же вдохновляетъ „культоровъ" (cultores) въ ихъ творческой дѣятельности? что даетъ имъ силу переносить внѣшнія бѣдствія и внутреннія муки, радоваться среди мученій, бодро итти на плаху, на костеръ, на крестъ? Не что иное, какъ „*вѣра* въ нѣчто вѣчное, незыблемое, въ истину, находящуюся внѣ отдѣльнаго человѣка, не легко ему

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

дающуюся, требующую служенія и жертвъ, но доступную постоянству служенія и силѣ жертвы" (Тургеневъ[1]), и если эта вѣра по существу есть религіозная вѣра, то вдохновляемое этой вѣрой культурное творчество есть религіозный подвигъ, служеніе Богу, какъ реальному, живому совмѣщенію чистѣйшей истины, безусловной правды, высочайшаго добра, неизреченной красоты...

Правда, если мы обратимся отъ общихъ разсужденій къ конкретной дѣйствительности, то встрѣтимся съ тѣмъ фактомъ, что на культурномъ поприщѣ работаютъ лица, чуждыя вѣръ въ Бога. Такъ, въ Аѳинахъ V-го вѣка до Р. Хр. очень популярными представителями греческой культуры были софисты, которые—въ противоположность Сократу—не вѣрили въ общеобязательную истину, равно какъ и въ общеобязательную справедливость: по ихъ ученію, истинно или справедливо то, что извѣстному человѣку въ данный моментъ кажется истиннымъ или справедливымъ. Но софисты—это типичные представители позитивистическаго міросозерцанія, которое и теперь, какъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, ведетъ борьбу съ міросозерцаніемъ другого типа—религіознымъ: жизненный нервъ послѣдняго—вѣра въ безусловное, характеристическая особенность перваго—отрицаніе безусловнаго. И замѣчательно! въ то время какъ лица, именующія себя вѣрующими, принадлежащія къ тому или другому религіозному обществу, усердно выполняющія связанныя съ этою принадлежностью требованія, нерѣдко относятся къ культурному творчеству съ полнымъ равнодушіемъ, если только не съ враждой[1]),—позитивисты бодро

[1]) Имъ „только бы исполнить" предписанное въ законѣ, но исполнительность не есть еще творчество: „въ самомъ этомъ глаголѣ «исполнить» и въ предложеніи человѣку вѣчной исполнительности лежитъ,—по словамъ Розанова,—какое то начало притупленія его способностей, отрицаніе въ немъ родни-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

и энергично работаютъ въ области научнаго, художественнаго, политическаго творчества. Что это значитъ? не допустили ли мы ошибки, приписавъ культурному творчеству характеръ религіознаго подвига? Нѣтъ, ошибки не допустили. Что же касается отмѣченнаго факта, наличность котораго безспорна, то для уразумѣнія его нужно имѣть въ виду, что не всякій, говорящій „Господи! Господи!“, по тому самому не есть уже позитивистъ: если кто либо покорается Богу, какъ безконечно-могущественной силѣ, отъ которой зависитъ благосостояніе человѣка, и въ видахъ обезпеченія этого благосостоянія служитъ Богу всесожженіями и жертвами, тотъ есть позитивистъ чистѣйшей воды, хотя онъ и призываетъ имя Божіе, и исполняетъ религіозные обряды. Мудрено ли, что онъ стоитъ въ сторонѣ отъ культурнаго творчества? Оно требуетъ вдохновенія вѣры, а ему вѣдомо лишь поклоненіе силѣ, какъ силѣ. И бѣсы вѣруютъ, но ихъ вѣра служитъ не источникомъ творческаго вдохновенія, а основою рабскаго страха передъ Тѣмъ, Кого они не въ силахъ любить (см. Іак. 2, 19)... Наоборотъ, въ тѣхъ, кто выступаетъ подъ знаменемъ позитивизма, нерѣдко живетъ, хотя и безотчетно, хотя и въ противорѣчіи съ основами теоретическаго міросозерцанія, неискоренимая вѣра въ безусловную цѣнность добра и правды, равно какъ чуткость къ проявленіямъ подлиннаго добра и подлинной красоты. Это — позитивисты не по своему природному складу, а по вліянію разнообразныхъ пространственно-временныхъ условій. Вдали отъ Бога, они, сами того не сознавая, приносятъ Ему благоуханную жертву посильнымъ искреннимъ служеніемъ

ковъ творчества, порыва, взрывчатости, какъ и всякихъ началъ оригинальности и самостоятельности“ (*В. Розановъ*. „Пассивные идеалы“—„Новое Врем.“, № 8575). Можетъ быть, выраженія Розанова и не совсѣмъ точны, но обозначенное ими явленіе подмѣчено съ обычною этому писателю наблюдательностью.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

добру и правдѣ. О нихъ можно сказать словами Евангелія, что „не далеко они отъ царствія Божія“ .. Иное дѣло, когда принципіально и съ яснымъ сознаніемъ всѣхъ послѣдствій отрицаются не тѣ или другія историческія вѣрованія, а самая вѣра въ безусловное,—тогда и теоретическое міросозерцаніе, и практическая дѣятельность совершенно утрачиваютъ религіозный характеръ: первое становится лишь обобщающимъ описаніемъ фактовъ, вторая направляется на поддержаніе своего существованія, – и тамъ, и здѣсь мы не выходимъ изъ области фактовъ. Правда, выдержать отрицательное отношеніе къ безусловному до конца въ высшей степени трудно, если не невозможно, а потому мы обыкновенно встрѣчаемся съ такимъ явленіемъ, что люди, отвергшіе великую заповѣдь: „Господу Богу Твоему поклонишися, и Тому единому послужиши“ (Мѳ. 4, 10), возводятъ въ абсолютъ то, что никоимъ образомъ не можетъ имѣть такого значенія, будетъ ли это наше эмпирическое *я* или тотъ общественный кругъ, къ которому оно принадлежитъ. Въ обоихъ случаяхъ мы будемъ имѣть дѣло съ преклоненіемъ передъ фактомъ, а это не что иное, какъ идолопоклонство. Даже служеніе своему народу, если оно соединяется съ вѣрой въ безусловное, грозитъ перейти въ идолопоклонство, потому что тогда особенности и формы національной жизни получаютъ значеніе чего-то такого, что само по себѣ представляетъ безусловную цѣнность,—въ такомъ случаѣ ничего не остается, какъ охранять эти особенности и формы, равно какъ поддерживать внѣшнее благосостояніе своего народа (говоримъ: внѣшнее, потому что внутреннее состоитъ въ проникновеніи его вѣрой въ безусловное и въ энергіи ея обнаруженія) во что бы то ни стало. Само собою разумѣется, что охраненіе даннаго и огражденіе внѣшняго благополучія имѣютъ мало общаго съ культурнымъ творчествомъ, которое можетъ вдохновляться лишь вѣрой въ безусловное, стоящее выше не только отдѣльнаго человѣка, но и цѣлаго народа, который долженъ быть

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

не объектомъ поклоненія, а поклоняющимся субъектомъ (въ смыслѣ собирательномъ), потому что и онъ, какъ и составляющіе его индивидуумы, призывается къ служенію Богу. Другое дѣло, если любовь къ своему народу соединяется съ вѣрой въ безусловное: тогда всѣ мои помыслы и дѣянія направляются къ тому, чтобы для моего народа путеводной звѣздой въ его жизни былъ идеалъ истинно-доброй и истинно-прекрасной жизни, чтобы его жизнь была служеніемъ Богу добра и правды. При свѣтѣ безусловнаго идеала я не могу оправдать всѣхъ проявленій національнаго духа своего народа, но тѣмъ энергичнѣе я работаю надъ искорененіемъ отрицательныхъ проявленій, надъ развитіемъ положительныхъ. Такая работа носитъ дѣйствительно культурный характеръ: такъ, вѣдь, и земледѣлецъ, устраняя сорныя травы, всячески содѣйствуетъ росту культурныхъ злаковъ... Послѣ сказаннаго понятно, почему Христосъ на первомъ мѣстѣ поставилъ заповѣдь о любви къ Богу и на второмъ—о любви къ ближнимъ: только въ томъ случаѣ, если я люблю Бога всемъ сердцемъ своимъ, и всею душою своею, и всею крѣпостію своею, и всѣмъ разумѣніемъ своимъ (см. Лук. 10, 27),—только тогда моя любовь къ ближнимъ будетъ не преклоненіемъ передъ ними и не служеніемъ лишь ихъ внѣшнему благополучію (напр., устроенію блестящей карьеры для своего сына, у котораго—при умѣ—нѣтъ ничего святого за душой), а неустаннымъ споспѣшествованіемъ тому, чтобы жизнь моего ближняго была служеніемъ Богу. Понятны послѣ этого и другія великія слова: „иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ“ (Мо. 10, 37). Любить отца или мать больше Бога—это значитъ условное ставить выше безусловнаго, другими словами—преклониться передъ фактомъ, но преклоненіе передъ фактомъ есть идолопоклонство, которое—какъ уже сказано—убиваетъ культурное творчество: культура—это факта, а преобразованіе не простое его утвержденіе...

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

Къ сожалѣнію, въ настоящее время нѣтъ недостатка въ идолопоклонническихъ и—слѣдовательно—антикультурныхъ тенденціяхъ, которыя замѣчаются какъ на сторонѣ религіознаго позитивизма (о немъ—выше), такъ и на сторонѣ позитивизма атеистическаго. Достаточно напомнить преклоненіе идейныхъ вождей современной русской соціалъ-демократіи, во главѣ съ Максимомъ Горькимъ, предъ пролетаріатомъ. Мы въ полной мѣрѣ признаемъ ненормальность тѣхъ соціально-экономическихъ условій, которыя создали и поддерживаютъ пролетаріатъ, равно какъ и право послѣдняго на достойное человѣка существованіе, а потому созданіе условій, обезпечивающихъ такое существованіе, считаемъ неотложной задачей нашей внутренней политики, надъ скорѣйшимъ осуществленіемъ которой не могутъ, не смѣютъ не работать тѣ, кто не на словахъ только, а на дѣлѣ хотятъ служить Богу правды и любви. Больше того: если бы пролетаріатъ явился носителемъ и проводникомъ въ нашу жизнь вѣковѣчной правды, мы не задумываясь преклонились бы предъ нимъ—не передъ силой факта, а передъ силой правды, такъ сказать, воплощенной въ данномъ фактѣ. Такое преклоненіе не есть идолопоклонство. Но если *каждое* требованіе пролетаріата, будетъ ли то требованіе сокращенія рабочаго дня или кровавой мести надъ врагами, становится для меня закономъ—только потому, что оно предъявляется пролетаріатомъ, тогда я идолопоклонникъ, лишенный главнаго условія культурнаго творчества—свободы духа,—тогда я сумѣю угождать своему идолу, но не смогу твердымъ шагомъ итти—а тѣмъ болѣе другихъ вести—къ добру и правдѣ. Нѣтъ, кто служитъ Богу, какъ *нравственной* силѣ, тотъ скорѣе погибнетъ, но не преклонится предъ *внѣшней* силой, будетъ ли то сила капитала или пролетаріата: не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ...

Посмотримъ теперь, какой характеръ носитъ преклоненіе предъ пролетаріатомъ въ той общественной средѣ, с

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

которой упомянуто выше. Яркимъ показателемъ этого служитъ тотъ гимнъ, съ какимъ недавно обратился къ пролетаріямъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ поэтовъ нашего времени, ставшій въ первые ряды русской соціалъ-демократіи. Вотъ этотъ гимнъ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!
Наша—сила, наша—воля, наша—власть!
Въ бой послѣдній, какъ на праздникъ снаряжайтесь.
Кто не съ нами, тотъ—нашъ врагъ, тотъ долженъ пасть.
Станемъ цѣпью вкругъ всего земного шара
И по знаку, въ часъ урочный, всѣ—впередъ!
Врагъ нашъ дрогнетъ, врагъ не выдержитъ удара,
Врагъ падетъ—и возвеличится народъ!
Міръ возникнетъ изъ развалинъ, изъ пожарищъ,
Нашей кровью искупленный новый міръ.
Кто работникъ, къ намъ за стоть! Сюда, товарищъ!
Кто хозяинъ, съ мѣста прочь! Оставь нашъ пиръ!
Братья—други, счастьемъ жизни опьяняйтесь!
Наше все, чѣмъ до сихъ поръ владѣетъ врагъ.
Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!
Солнце въ небѣ, солнце красное—нашъ стягъ!..

Итакъ, пролетаріи, соединяйтесь—во имя чего? выступайте на борьбу—за что? Ваша сила, но на что направлена она? ваша воля, по чего она хочетъ? ваша власть, но что она предписываетъ? Кто не съ вами, тотъ долженъ пасть,—почему же? потому ли, что вы—и только вы—обладаете истиной и творите правду, или потому, что кто не съ вами, тотъ мѣшаетъ вамъ „счастьемъ жизни опьяняться“? Но первое самопадѣяніе до... наивности, второе жестоко до... звѣрства... Ваше все, чѣмъ до сихъ поръ владѣлъ вашъ врагъ. Значитъ, произойдетъ только перемѣщеніе капитала, а вмѣстѣ съ тѣмъ и перемѣщеніе ролей: то надъ вами измывались, а то вы будете измываться надъ другими...

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

Хорошо же будетъ то „опьяненіе жизнью“, къ которому васъ призываютъ! Не знаемъ, какъ кому, но намъ этотъ призывъ живо напомнилъ зловѣщую, какъ зарево пожара, картину далеко прошлаго, которая дана Шиллеромъ въ его „Элевзинскомъ праздникѣ“:

Кончивъ бой, они, какъ тигры,
Изъ черепьевъ вражьихъ пьютъ,
И ее (Цереру) на звѣрски игры
И на страшный пиръ зовутъ.

Но то были дикари. Церера—она является въ балладѣ создательницей культуры—съ содроганьемъ отворотилась отъ страшнаго пира. И это понятно: гдѣ высшее счастье видятъ въ топтаньи врага да въ кровавомъ пирѣ, тамъ нѣтъ мѣста культурному творчеству. По истинѣ надо удивляться тому, „какъ могъ г. Минскій“, „мистикъ, метафизикъ эстетикъ, человѣкъ во всякомъ случаѣ культурный и умный“, „прозрѣвавшій въ людяхъ Единаго Отца, написать скверное и маловѣрное стихотвореніе, въ которомъ есть отвратительная, безбожная строка: «кто не съ нами, тотъ—нашъ врагъ, тотъ долженъ пасть»“ [1])... Минскій растоптамъ лучшіе завѣты русской литературы. Вспомнить только слова того поэта, завѣтною мечтою котораго было наступленіе у насъ „просвѣщенной свободы“:

Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица,
И не услышатъ нѣсть обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца,—

почему? да потому, что „въ бореньи падшій—не вредимъ“, да потому, что „враговъ мы въ прахѣ не топтали“. Рѣчь

[1]) *П. Бердяевъ.* Революція и культура—въ „Полярн. Звѣздѣ“, № 2, стр. 152 (рекомендуемъ вниманію читателей).

Подготовлено Киевской Духовной Академией и семинарией.
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

идетъ о полякахъ, отношенія съ которыми—вслѣдствіе возстанья 1831 года—обострились у насъ до крайности ко времени написанія цитуемаго стихотворенія...

Два поэта —два призыва... За кѣмъ же итти?! Для того, кто главнымъ содержаніемъ истинно-человѣческой жизни считаетъ культурное творчество, не можетъ быть двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ...

П. Кудрявцевъ.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua